

ГАЛИНА СОКОЛОВА

АХ, МОРЕ, МОРЕ...

рассказ

...Взвывла сирена, испуганный кот взмыл к потолку. И, сбив чашку, приземлился возле компьютера.

– Ну вот, всё испортил, – заметил размокшие листы бумаги старик. На имени автора по титульной странице расплзлась коричневая клякса.

– Не везёт мне с этим генералом, – глядя, как торопятся люди в укрытие, пробурчал он, – Придётся снова принтовать.

Этот рассказ когда-то принёс в редакцию незнакомый паренёк. Бросил на стол отстуканные на машинке листы и убежал. Старик тогда ещё и сам был молод и невольно подосадовал: вот так, за здорово живёшь, оставил отличную рукопись без обратного адреса и номера телефона и умчался. На море, конечно. А он вынужден сидеть в душной редакторской и править чью-то туфту, хотя именно ей бы и место в корзине. Рассказ тогда в печать не попал, а сейчас, выудив его из старых завалов, старик перечитал его снова. И задумался: вот ведь как время-то изменилось! Вроде, и море то, и город тот, а уже всё иначе – и люди не те, и мир другой: кто был братом, стал врагом, а враг стал союзником. Словно полюса поменялись. Ещё прошлым летом были у старика и родственники, и друзья. А сегодня пару человек да кот на всю парадную. Будто кто-то взял да и сшиб с курса корабль. И крутит его, и бросает без руля и ветрил, то в одну, то в другую сторону. И почему за мир приходится воевать, а за жизнь – убивать? Ради какой денацификации и демилитаризации? А, главное, может ли такое быть по воле одного безумца? С чего бы во внутрисемейный конфликт ввязался весь мир? Теперь уж и до неба ближе, чем до земли – Часы Судного Дня замерли на положении 100 секунд до полуночи.¹ Оттого и лезут всякие странные мысли. В основе происходящего видятся мельчайшие пространственные образования, суть которых не вполне понятна. Но именно эти различия с абсолютным и вызывали тот высокий градус внутривидовой агрессии. Человек ведь пешка на шахматном поле Разума. Сегодня спасает ребёнка, а завтра нажимает кнопку ядерной установки. Парадоксальность – главное качество Вселенной. Покой есть смерть, но смерти нет, хотя есть покой. Примерно так можно выразить. Для неё норма и то, и это. Без этих двух Великих начал мир вообще бы не существовал.

«Самое приятное – играть в шахматы с самим собой», – как-то пошутил известный гроссмейстер, выиграв труднейшую партию с компьютером, куда были заложены все шахматные знания. Гроссмейстер – гений. А человек просто ищет истину. *«Между землёй и небом живёт душа моя. То истину ищет на дне, то взлететь пытается».*²

Ах, море, море,

Волна под облака...

Тот паренёк вернётся на Землю чайкой. Поэты и музыканты всегда возвращаются птицами. А кем вернётся он? Наверное, как и все, травой – он-то просто делал своё дело. У моря на склонах много травы. Только и там уже таблички: «Осторожно, мины!».

В мире 63 моря и 5 океанов... Самое чистое – море Уэдделла, омывающее побережье Антарктиды. Самое холодное – Восточно-Сибирское. Самое мелкое – Азовское. А Чёрное – единственное. Оно своё, родное...

В первые дни война не укладывалась в его мозгу. А теперь, когда погибших считают тысячами, в голове срабатывает странная нестыковка конструкции: если человек создан по образу и подобию Бога, как объяснить его невразумительную тягу к самоуничтожению? Кто и зачем сшибает башками народы с единой генетикой? Может, для того Человек и есть, чтобы стать инструментом, благодаря которому, Разум создаст нечто, тёмное, не существовавшее ранее? Сложен путь постижения истины. Иллюзий строить не стоит.

Он кинул взгляд на свои испятнанные старческой горчицей руки – редакцию уже не потянуть. Вот разве в интернете опубликовать? Старик разложил листы рукописи и налил в блюдце сметаны –

кот блаженно закрыл глаза – что может быть приятнее полного блюда и человека, который его наполнит. Коту проще, он живёт инстинктами. А тут сплошные экстраполяции – из-за них даже вниз спускаться нет смысла. Да и какая разница, если тебе за семьдесят?

«Куда бы ни отправился, за что бы не принялся, только одна мысль преследовала и не давала покоя: всё, что было, бессмысленно. Всё, что будет, зависит не от меня», – набрал он и усмехнулся – людям всегда чего-то не хватает. Несчастлив, потому что имеешь слишком мало. Несчастлив, потому что имеешь слишком много. Законы материи выражаются природными инстинктами – своя рубашка к телу ближе! И никакие Великие Учителя не смогли прорастить заложенное Разумом семечко. Всякий раз что-то мешало: человек верит в свою иллюзию – ох, уж этот лукавый парадокс Кондорсье!

«Лишь вера в простые инстинктивные вещи: летом на море хорошо загорать, приятно ходить босиком по битой ракушке; сначала кажется – больно, а потом чувствуешь в том особую прелесть – подошвы ног сладко ноют, будто долго находились в затёкшем состоянии, и вот отходят, оживают. Хорошо чувствовать, как солнце пронизывает кожу, а вечером она стягивается и возникает ощущение, что это лучшее в тебе, самое здоровое из того, что есть в твоём организме. И хочется к себе прислушаться. Думать о чём-то, не требующем ни доказательств, ни опровержения. Пропадает страх не успеть, не состояться, услышать о себе плохое мнение, отстать, пропустить... Пропадает опасение за себя и на его место селится любовь к себе и доброе расположение к миру».

Моряк вразвалочку
Сошёл на берег.
Как будто он открыл
Пятьсот Америк,
Ну не пятьсот, так пять,
По крайней мере...

Старик вздохнул и снова зашелестел страницами. Последний год он только и делал, что размышлял о всяких непонятных вещах. Вообще-то, положительные и отрицательные заряды – абстракция физиков. Но, выделив из себя два противоположных потока, Разум прислал их на Землю, как потенциально-единое творческое начало. Вот и выходит, что все мы мозанка вселенского калейдоскопа. А мог ли он такую гигантскую задачу доверить не гиганту? Вот и познаёт самого себя через нас. Вот и играет сам с собой в шахматы. А стало быть, и люди не пешки в его ещё незаконченной шахматной партии.

«Завтра снова будет море и быстро меняющаяся картина облаков на небе, колкий детрит раковин, наносимых волнами, запах водорослей и две лодки, зарывшиеся носами в песок, но всё ещё зависящие от волн. Мне известно, что в такие дни быть счастливым легче, чем когда-либо. Можно быть добрым, всё понимающим и быстро найти общий язык с коричневолицым собирателем бутылок, и даже его урюжая собака улыbnётся, прежде, чем отвести глаза. Она знает, что жизнь – это только другое название мгновенья. А что ещё нужно знать старой собаке с седьми бровями?».

«Годы превращаются в месяцы, месяцы – в дни, а дни – в секунды. Это часы нас обманывают своим круговым ходом, создавая иллюзию безразличного повторенья. Пренебрега. Это возможно только для них. А нам надо оценить прошлое. А как его оценивать? Просто по тому, что осталось оно в памяти или нет; что забылось, того и не было – вот как всё просто.

...Хорошо думать, лёжа на песке. Но пора собираться. Солнце ещё медовое и жаркое, внятно высоко над бровкой берегового обрыва, не скоро оно отделится, нальётся базровым и скатится, но мне уже пора уходить. Сегодня у нас гости и меня просили быть пораньше.

Я ухожу от моря, потому что есть еще и вторая половина сегодняшнего дня, оборотная сторона монетки, найденной в песке. Впрочем, у всего, и у самой жизни тоже можно отыскать другую сторону. Там жилища, служба, оклад, карьера; там несбытываемая мечта матери, что я стану военным и пойду по стопам отца. И её обидо, будто что-то обещал и вот не сделал. Там бесконечные понедельники, вторники, четверги... и такие короткие, как зимний день, воскресенья. Там свой табель о рангах, там тернистый путь в люди, отчаянно прямой и понятный путь на вершину фантастической мечты, где генерал, как сказочный олень с золотыми рогами бродит по изумрудным полянам благополучного, как парк, леса...

Мама не сделала из папы генерала, а тут я подоспел... И вот генерал сам идет к нам в гости и мне надо быть дома пораньше, не умничать, и тогда все мы – умники – увидим, как права была мама.

Дело усугублялось тем, что этот генерал – старый сослуживец отца, бывший когда-то у него в подчинении: теперь отец на пенсии, а его подчинённый давно перенос самые высокие должности и звания, которые были у отца.

У нас однажды он уже был. Тогда долго перебирали фотографии, и генерал рассказывал истории. Помнится только одна. Как-то, в виде особого расположения, генерала пригласили в горной Абхазии „в сад“. Фруктовые деревья в той местности растут плохо и ценятся особенно. В саду, кроме нескольких деревьев алычи и полудиких яблонь, ничего замечательного не оказалось. Генерал с присущей ему скромностью съел несколько кислых плодов и хотел уже вернуться в дом.

Но сопровождающий по саду (был специальный сопровождающий!) придержал его и сказал так: „Ешь больше, не обижай хозяев, да и всё равно ведь скажут, что был в саду“. Тогда меня поразило, что совсем не генеральские воспоминания у генерала. А мы генерала встречаем по-генеральски: мать жарит, разогревает, охлаждает, она всегда в таких делах главная и застрельщица. Я слоняюсь по кухне, хочется есть, но почему-то нельзя. И вот уже – от голода или от предчувствия напряжённого вечера – складывается ехидный взгляд на вещи и проявляется моя противная склонность к преувеличениям. Генерала встречают не как старого друга, а как генерала. Отец – маленький, седенький – и это особенно стыдно, потому что он нарядился в выходной костюм. А я заранее знаю, что генерал придет в рубашке с коротким рукавом, а все будут не замечать этого диссонанса.

И вот на столе всё сияет и блистает; мы так не живём, это всё для нашего исключительного гостя. И вот звонок и все бегут к двери, но я точно знаю, что это почтальон или дворник. Может, он и заметит сквозь дверные проёмы нарядных дам с ласковыми взглядами и ломящийся от яств стол, которых при всей самонадеянности не смог бы принять на свой счёт; и тогда вечером в кампании жэковских дворников и сантехников он расскажет, какие приятные и уважительные люди обитают на четвёртом этаже в двадцать пятой квартире, и может так случиться, что эти самые дворники и сантехники к нам зачатая тоже, и хоть одна мамина мечта сбудется...

Однако дверь уже открыта и на пороге – генеральша. Она обнимается с матерью – между ними уже старая дружба и субординация, они вскрикивают и всплескивают, и не сразу заметен отец; он в сторонке, он не у дел... Но вот все спохватываются: где же Фёдор (генерал)? А генерала нет! И надо скрывать своё разочарование. Его куда-то вызвали, привлекли в комиссию, как единственного в своём роде, незаменимого, неповторимого... Но есть надежда, что он придет позже, он просил начинать без него... И столько в этой формулировке «просил начинать без него» пронзительного холода другой жизни, что все на секунду замирают.словно сквознячком потянуло из того сада, где генерал был раз и навсегда отнесён к категории людей, бывших в саду.

Он придет! Он обязательно придет к нам. На длинной чёрной машине, перед которой расступятся милиционеры. Он будет спешить и явится в форме. И тогда весь двор увидит Генерала и очень кстати окажется костюм отца. Он обязательно придет, и мы стройно крикнем „Ура генералу!“ А потом он прокатит всех нас по двору и по городу, и по пляжу на своём остром глянцевом автомобиле. А на берегу всё также будут облака, облака. Белые и пышные, как осенние цветы хризантемы. И две лодки, вросшие носами в песок, они всё качаются и качаются в прибое, не в силах оторваться от берега – всё стучат друг о друга бортами...».

Сирены гудели. В чёрном небе вспыхивали алые и голубые махаоны. А старику снилось море. Только воды его не смешивались. У них была разная плотность.

¹ проект журнала Чикагского университета «Бюллетень учёных-атомщиков».

² строки из стихотворения Людмилы Шарга «Грустит осеннее море и песню грустную...».

БЕСС В РЕБРО

рассказ

Я знаю эту «Бесстию» много лет. Огромный ушастый мэйн-кун цвета безлунной ночи с разными глазами, как иногда у белых: один глаз зелёный, другой – золотой. Красивая кошка! Удочерили её лет пятнадцать назад две немки, мать и дочь. Немцев у нас в Портленде вообще много. Они кушили квартиру в этом комплексе уже с Бесси – старый хозяин её просто бросил. По словам соседки, кошка и тогда была «старой». Я же появилась на площадке лет двенадцать назад. У меня там был бойфренд. Кодовое имя – УДОД. Птичка удода небольшая, а мой УДОД – двухметрового роста. С птичкой у них только носы схожи да, когда сердится, хохолок на затылке вскидывается и распускается веером. Чем больше злится, тем шире распускается. Хотя, тут уж скорее, нашу Бесси вспомнишь: когда она разнимает нас с УДОДОМ, её пасть и глаза полыхают таким пламенем, что шерсть даже вроде как дымится – не дай Бог во сне увидеть. Причём, в любой схватке она на моей стороне. За что и обожаю! Впрочем, клевались мы с УДОДОМ редко. Но метко! Вот и в тот раз, будто в нас бес вселился – наверняка выдался сатанинский день, а в лунный календарь я не заглянула. Сейчас и не помню, с чего это я на него так орала и с какого рожна так взбеленился он. Помню только, что его хохолок буквально ходуном ходил. А Бесс... Бесс на него шипела и рычала не хуже собаки Баскервилей. Она вцепилась в его штанину и пыталась прогнать её хозяйни в спальню. Отдирая кошку от себя и топя ногами, тот басил: «Не меня – её ату! Ату её! Фас!» – имелось в виду: ату меня, меня фас. А я... Я, задрав нос, демонстративно таскала свои вещи в машину! Чтобы никогда – слышите? – НИКОГДА сюда больше не вернуться!

Вообще-то, если честно, я была абсолютно убеждена, что он поорёт-побеснуется, да и бухнется передо мной на колени. И поклянётся в вечной любви. Как раньше. А вместо этого он... помог мне грузиться. Будущее приходит из настоящего, разумно решила я и, выкрикнув: «Ну и всё! И ноги моей больше здесь не будет!» – хлопнула дверцей своей хонды. «Скатертью дорожка!» – отгаскивая Бесс от дороги и меча в меня оранжевые стрелы своего хохолка, проорал он. И тоже хлопнул дверью! Что было делать?

Я порулила к своей тётке. Тёту Галу я знаю с детства. А теперь, когда родители мои в Киеве, а тётя Галя тут, в Портленде, – я ишу защиту и поддержку у неё. Хотя ей и под шестьдесят, у неё всё ещё шло в одном месте и бес в ребре. Да и выглядит она максимум на сорок пять (тире – ягодка опять). И характер лёгкий – беспечно-положительный: пошёл дождь – хорошо, значит, трава станет зеленее. Солнце палит – отлично, можно на балконе позагорать. И так далее. Сколько помню, у неё всегда нет проблем. Вот ей и рассказала ей про Удода. «Ну и отлично, – выслушав, похлопала она меня по руке. – Правильно сделала! Семья – это искусство жить в аду, зачем она тебе? И пустоту она не заменит, – сказала тётя Галя. – Когда ты умеешь управлять собой, ты можешь управлять и другими. Женщина права даже, когда неправа. Не женщина произошла от мужчины, а мужчина от женщины. – сказала тётя Галя. – Цветы и почёт от мужчины – всего лишь крохотный долг природе! – И добавила: – Посидит один, одумается и приползёт – это его дело милости твоей добиваться».

Надо сказать, что её дядя Боря всегда так и делал: приползал с повинной по любому поводу. Даже когда был стопроцентно прав! И после милостивого отпущения грехов, они оба шли в ближайший бар пить мировую: она – «Леди Киллер» с джином, а он – «Painkiller» (то есть, тоже киллер) с ромом... Или куда-то завесивались. То на лошадях, то на велосипедах, то на лодке. Что, надо сказать, ставило меня в ступор. Он-то старше её лет на десять. Сейчас дяди Бори уже нет, а тёте Гале одной скукотень зелёная – вот она со мной и якшается. Тем более что и выглядит она огурцом – её часто за мою старшую сестру принимают. Один даже (спяяну, наверное!) у меня руки её просил!

«Подожду!» – решила я. И глянула на блякнувший мобильник. «Увижу – убью!», – прочитала я лаконичный вброс Удода.

– Ах вот как! – возмутилась я. – Вместо того, чтобы ползти, ты ещё и грозишься! Хрен тебе!

Вообще-то руководила мной глубинная вера: моя с ним история насчитывала ни много ни мало одиннадцать лет – не раз он выручал и даже спасал меня из разных ситуаций и никогда не предавал. Я и была в полной уверенности, что старый друг лучше новых двух. Но... Прошёл месяц, другой, а Удод не полз! Не искал встреч, не караулил в подъезде, не бухался на колени и не усыпал мою площадку розами. «Сутками работает», – доносили общие знакомые. «Ну и пусть, – заваривая чай с бергамотом, философски мотнула головой тётя Галя. – Значит, не дозрел. В глубине трудностей всегда лежит возможность. Дозреет-е! Все они так: сначала кобелятся, а потом... Приползёт».

«А стоит ли верить её прогнозам?» – усомнилась я через полгода. Всё-таки лошади столько раз её сбрасывали... Но лицо пифии транслировало такую несокрушимую веру, что я махнула рукой – дело-то сделано, назад не повернёшь. Тем более что, как донесли общие знакомые, моё место у Удода уже подсиживает какая-то «Выпь», вроде как соседка-программист. Видимо, профессиональный жаргон компьютерщиков помог им понять друг друга? Короче, ноги моей не будет возле этой хибары!

Но... проведённые там годы не отпускали. Ночами мне снилась Бесси – шикарный ушастик размером с собаку и с пылающими разноцветными глазами. Она была со мной все те одиннадцать лет. Немки считались её хозяйками лишь номинально – Бесс охотилась и жила, в основном, на улице. Такой же хозяйкой могла считаться и я: я покупала ей всякие лакомства и игрушки, кормила её и поила специальной артезианской водой, которую наливала в зеркальную чашечку, куда Бесси, как всякая дама, любила заглядывать. Она часто играла с моей черепахой Бэйбеном. И, зная время моего возвращения с работы, бросалась навстречу, кувыркаясь и мурлыкая. Потому, однажды презрев его обещание переломать мне ноги, я всё-таки отважилась на свиданье с ней.

И что? Ничего. Никто нас не застучал. Ни раз, ни другой, ни третий... Обычно мне хватало нескольких минут. По асфальтированной дорожке вдоль зелёной изгороди я пробиралась к своему бывшему крыльцу и шёпотом звала кошку. Она радостно прибежала, мерцая разноцветными фарами, я вводила её в дальний конец дорожки, гладила и кормила. И уезжала довольная. Естественно, время для визитов я выбирала, когда Удод был или на работе, или вообще в отъезде – о его отъездах мне докладывали те же общие друзья. Но когда разразилась известная пандемия и все перешли на удалёнку, такая возможность накрылась. Тут и вылезала мне помочь неутраченная тётя Галя. В тот год ей стукнуло шестьдесят, но творческая энергия всё ещё была из неё ключом. А приложить себя некуда: спортивные клубы закрылись, лошади тоже были табу. И что ей делать со своим бесом в ребре? Надо сказать, что, когда ещё я жила в квартире Удода, тётя Галя частенько бывала у меня в гостях, и Удод её хорошо знал. Потому, чтобы случайно её не узнали, она надевала карнавальный парик афро, летнее пальто, скрывшее её почти до пят, и хирургическую маску. И, добавив к образу зеркальные солнцезащитные очки, двигала на подвиг. План был прост: тётя Галя пробирается к моему подъезду, вызывает Бесс и ведёт её к условленному месту, где жду я с кошачьей консервой. Мы и до пандемии так один раз делали – приехали вдвоём и накормили кошку в конце асфальтовой дорожки, идущей вдоль подъездов. О конспирации тётя Галя представление имела.

Если смотреть из космоса, этот квартирный комплекс представляет собой вытянутый эллипс, по всему контуру которого – квартиры, а внутри – паркинг. Эллипс немного «ассиметричен»: уровень его восточного контура ниже западного. Потому их связывает лестница – пять ступенек позволяют пересечь

эллипс по диаметру, а не по периметру. Моя бывшая квартира расположена прямо напротив спуска. На той же площадке живёт и красавица Бесси. К тому времени она уже стала действительно старенькой, и гулять её выпускали не каждый день.

Итак, первую вылазку мы предприняли в тёплый августовский полдень. Как всегда, оставили машину у соседних офисов, но к домам прошли не как обычно, вдоль подъездов, а по траве сквозь кусты и деревья. Мне казалось так безопаснее (учитывая, что Удод находился дома и мог внезапно выйти). Мы вышли к лесенке. Я осталась в кустах у края дорожки, от которой нужно было пройти к ней через паркинг, а тётя Гале предстояло спуститься, выкискискать у моего подъезда Бесс и привести ко мне. Всё!

Но... Наверное была магнитная буря, а в такие дни всё идет наперекосяк: тётя Гала ну никак не могла увидеть лестницу, по которой до того ходила много раз. Потыкавшись по паркингу минут пять, она отправилась в обход. То есть вместо того, чтобы спуститься по лестнице прямо к моей квартире, почему-то пошла по всему контуру эллипса. Подсказать ей я не могла – для этого мне надо было стать «изкустительницей»: выйти из кустов на проезжую часть паркинга, что чревато: всё-таки я жила там одиннадцать лет, и меня могли узнать как знакомые, так и сам Удод. Пришлось терпеливо дожидаться конца эскапады. Тётя Гала скрылась из виду на северном изгибе эллипса, а уже через минуту появилась... на лестнице – той самой, которую так упорно не могла найти. Появилась с месседжем: Бесси во дворе нет.

Ладно. Вторую вылазку запланировали через неделю ближе к вечеру. На пять назначили массаж в трёх минутах от этого места и прибыли в четыре. Я рассчитывала, что на «свидание» уйдёт минут пять-десять, дальше мы заведем за хлебом – в этом городе пекут фантастический французский хлеб. Потом ещё успеем набрать воду (для питья и мытья головы – в этом городе из кранов течёт чудесная артезианская вода). Потому я привычно припарковалась у офисов и выключила мобильник. Тётя Гала водрузила на голову афропарик, я – бейсболку с широким козырьком. Добавив маски и очки, мы пробрались к лестнице.

– Ну давай. Я стою здесь! – застыла я в кустах. Тётя Гала бодро кивнула и ринулась вниз по ступенькам. В этот раз она их нашла без проблем.

Прошло пять минут. Никого. Хм. За пять минут можно дойти от лестницы к подъезду – туда-назад – раза два и уже вернуться.

Десять минут. Никого. Сверху из тех же кустов мне не видно, что происходит внизу. Может, Удод вышел на паркинг, и, пока не уйдёт, тётка боится подняться?

Пятнадцать минут... Никого! За это время можно уже полностью обойти весь комплекс... Причём раза два или три.

Двадцать минут. Я уже не на шутку волнуюсь. Даже если тётка ждёт ухода Удоды, не может же это длиться так долго. Или... она потеряла сознание? Возраст всё-таки. Да и лошади... Спустившись на несколько ступенек, я осмотрела открывшуюся мне часть паркинга – НИ-КО-ГО!

Прошло двадцать пять минут. Я спустилась вниз полностью – теперь мне виден весь нижний паркинг – тётя Гала нигде нет! Что могло случиться?! А вдруг её захватили заложницей? Всякое бывает: схватили и насильно усадили в машину?! Или она всё-таки валяется с пробитой головой где-то в скрытом от глаз месте?! Мало ли – по новостям только и слышишь! Вот мимо проехала машина. Вроде, едет быстрее, чем положено... Я бросилась к мобильнику: вдруг в этой машине тётя Гала – кто-то подобрал и повёз в реанимацию?! И сейчас позвонят мне? Но на телефоне пропущенных звонков не оказалось. Я в отчаянии оглядела паркинг. Никого, вон только девушка с пуделем гуляет. Её что ли попросить осмотреть нижний паркинг по предмету дамы, лежащей с травмой головы? Да как-то неудобно...

Тридцать минут. Ни-ко-го. Всё-таки я обратилась к девушке с моей странной просьбой. Удивлённая, она ушла в дозор, вернулась и развела руками...

Тридцать пять минут. Ни-ког-го! Причём за это время с паркинга выехало ещё три машины. А вдруг тётя Гала была в одной из них?... Спокойствие, только спокойствие. Может, она просто забыла, зачем шла, и завялась на чай к немкам, хозяйкам Бесс? Или даже к самому Удоду?! Мало ли что взбредёт в голову творческому человеку?!

Сорок минут. Ни-ко-го!! Рискуя нарваться на Удоду, я уже сама обошла весь квартирный комплекс и убедилась, что нигде никого нет.

Прошло сорок пять минут – почти подошло время назначенного массажа. Если тётка всё ещё пьёт чай, её нужно срочно вызывать. Я шумно выдохнула и... набрала номер Удоды. К моему удивлению, он сразу ответил, сказал, что сейчас как раз очень занят – работает удалённо.

– Тётю Галу видел? – спросила я, задыхаясь: давно с ним не общалась.

– Твою? Видел, конечно.

– Когда видел?

– Да когда она к тебе приходила. А что?

– Не сегодня?

– В смысле? Почему я должен её увидеть сегодня?

И выяснилось: он не видел её ни сегодня, ни вообще в этом году. И так как с этого необъяснимого её исчезновения прошло уже пятьдесят минут, я как на духу выложила ему и про то, как мы ездим тайком кормить кошку, и про то, что тётя Галя пошла к его квартире и исчезла. Обалдев от неформатной информации, он тут же оповестил работу, что у него форс-мажор и кинулся к немкам. Помня обещание «убить» и держа палец на кнопке «SOS», я пошла следом. Но немки, как выяснилось, тоже никого не видели. К ним никто не заходил, а кошка уже час, как спит дома.

Меня накрыла паника. Где человек? С тех пор, как эта чёртова тётя Галя растворилась в ещё ненаступившей ночи, как раз и прошёл час. Удод отправился обходить территорию, а я, трясясь от волнения, набрала 9-1-1. Там сначала к моим воплям отнеслись довольно сонно и сухо, но узнав, что пропавшая – гражданка Украины, тут же ожили, озадачились и выслали наряд.

Стоп! Последующие события требуют пояснения. Если бы такое случилось в самой Украине, то, наверное, всё бы пошло по другому сценарию. У нас ведь принимают заявление о пропаже минимум через трое суток, раньше и заикаться не стоит – мало ли где загуляла свободная личность! Но в Штатах загуливать не принято, да и статистика утверждает, что самый высокий шанс найти пропавшего есть по горячим следам – в первые сутки, желательно даже часы.

И вот: шесть офицеров на трёх машинах и скорая появились уже через несколько минут. Офицеров обступила делегация из немок, Удод, меня и той с пуделем, которую я просила обойти паркинг. Все наперебой рапортовали: ЧП – пожилая украинка пошла кормить кота и исчезла. Сонный кот, к слову, вот он, на руках у немки! Трое полицейских тут же отправились прочёсывать близлежащие закоулки. Двое других начали поквартирный обход – быть может, тётю Галу действительно захватили в заложницы? Вроде, в этом комплексе живут какие-то люди в тюрбанах и паранджах. А ещё хозяйка пуделя указала три квартиры, в которых проживают русскоязычные. Полицейские позвонили, попросили их предъявить документы и разрешить осмотр квартиры. И задержали всех трёх отказавшихся. Шестой полицейский начал обзванивать больницы. Никого!

С момента пропажи прошло уже полтора часа, когда после бесплодных поисков полиция вызвала спасателей. Прибыв с поисковыми собаками, те принялись прочёсывать лесок за домом. Ни-ко-го!.. Вскоре над нами завис вертолёт, вызванный на подмогу. НИ-КО-ГО! И тогда по всему штату был объявлен план «Перехват»: требовалось задержать машины, выехавшие с территории комплекса за последние полтора часа: вдруг тётя Галя в багажнике! Посыпались смски на мобильники, взвыли сирены, затрубили новости по телевизору: – ЧЕЛОВЕК ПРОПАЛ!

...А по прошествии двух часов... вполне довольная и попахивающая любимым напитком тётя Галя появилась из-за гаражей соседнего комплекса, с лёгким удивлением рассматривая полицию, санитаров, спасателей, и... с полным изумлением – меня. Стоящую чуть ли не в обнимку с Удодом. И с, как я начала подозревать, Выпью. На еле слышный наш вопрос «где же вы были, тётя Гал?», последовал непринуждённый ответ: – Да выпить зашла! Кот на тропинку не шёл, я и решила: иди в баню, Бесс, а я пошла в бар. Давно „Леди Киллер“ не пила». – Услышав своё имя, отославшаяся Бесси подскочила и боднула её розовым носом. А мы...

Может, не так уж и неправы наши отечественные силовики, три дня не принимающие заявления о пропажах?.. Ибо три полицейские машины с так и запёртыми внутри россиянами, две санитарные с фельдшерами и медбратьями, вертолёт со спасателями, план «Перехват», я, Выпь и Удод, пудель и невероятно удивлённые этим эпическим апокалипсисом тётя Галя с кошкой – вот где настоящая немая сцена... Что там «Ревизор»!

– Седина в бороду – Бесс в ребро, – щёлкнув себя по горлу, сурово скаламбурил выпущенный наконец из патрульной машины жилец. И все засмеялись. Даже те, кто не понял.

И что тут ещё скажешь? Убить же мало!